

– портрета-сравнения, обеспечивающего читателю возможность четко представить внешность героя;

– портрета-впечатления, передающего чувства (эмоции, рождающиеся при первом знакомстве, соприкосновении с внутренним миром данного человека) [17].

Таким образом, содержание портретных описаний многоаспектно. Портрет Пиковой Дамы можно рассматривать как *текст в тексте* – феномен, детерминированный законами текстообразования и принципами (закономерностями) демонстрации литературного образа в композиционно едином комплексе изобразительных средств. Репрезентируя текстовое единство, подчиненное заданной автором тенденции, моделируя художественный мир, портрет не только вычленяется как структурный элемент, имеющий собственные цели и задачи. Портрету принадлежит гораздо более существенная роль в целостном составе текстового пространства.

Литература и примечания

1. *Одинцова М.* Языковые образы «внутреннего человека» // *Язык. Человек. Картина мира: в 2 ч. Ч. 1.* Омск, 2000. С. 8–9.

2. Почитание дамы сердца делает рыцаря покорным любому ее желанию: «Тот, кто любит, должен подчиняться / И делать это сразу и с охотой» (*Коэн Г.* История рыцарства по Франции: Этикет, турниры, поединки. М., 2010. С. 58).

3. *Улицкая Л.* Первые и последние: рассказы. М., 2008. С. 234–300. Здесь и далее повесть Л. Улицкой «Пиковая Дама» цит. по этому изд.

4. *Пушкин А. С.* Романы и повести. М., 1981. С. 207–231. Здесь и далее повесть А. С. Пушкина «Пиковая дама» цит. по этому изд.

5. *Шевченко О.* «А если тайны нет?»: музыкально-художественные мистификации в «Пиковой даме» П. И. Чайковского // *Известия Вол-*

гоградского государственного педагогического университета. Сер.: Социально-экономические науки и искусство. 2008. № 3 (27). С. 236.

6. *Иванченко Г.* Традиции А. С. Пушкина в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» // П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск, 1980. С. 149.

7. *Кириллина Л.* Русалки и призраки в музыкальном театре XIX века // Музыкальная академия. 1995. № 1. С. 65.

8. *Шевченко О.* «А если тайны нет?»... С. 236.

9. *Фрейденоберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1976. С. 87. См. также: *Топоров В.* Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994; «У бездны мрачной на краю» (черты романтической балладной поэтики в «Пиковой даме» П. И. Чайковского) // *Проблемы музыкальной науки.* 2007. № 1. С. 233–237.

10. *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993. С. 49.

11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: совр. версия. М., 2000. С. 380.

12. *Малетина О.* Типологии портрета в художественном дискурсе с точки зрения различных подходов // *Актуальные проблемы коммуникации и культуры.* Вып. 7. М.; Пятигорск, 2008. С. 7.

13. *Быкова И.* Типология портрета персонажа в художественной прозе А. П. Чехова // *Языковое мастерство А. П. Чехова.* Ростов н/Д, 1990. С. 38–46.

14. *Волкова П.* Реинтерпретация в современном искусстве: опыт осмысления. Saarbrücken, 2012.

15. *Бауэр В. и др.* Энциклопедия символов. М., 2000. С. 244.

16. *Михайлова Е.* Дидактическая модель совершенствования речевых умений учащихся на материале словесного портрета как жанра. URL: <http://www.novgorod.fio.ru>

17. *Есин А.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.

P. S. VOLKOVA, P. V. NEVSKAYA. «QUEEN OF SPADES» BY L. ULITSKAYA AS THE EXPERIENCE OF DECONCENTRATED PORTRAITURE

The article presents the idea that in the text of a literary work of art the portrait image of a man often outgrows its representational function and becomes a kind of prism and the way of seeing the world, as it is presented in the story by L. Ulitskaya «Queen of Spades».

Key words: *portrait, genre, hero, image, symbol, reinterpretation, deconcentrated portraiture.*

Л. Ю. БУЯНОВА, А. В. ОРДУЛИ

МЕЖДОМЕТИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТА ЭМОЦИЙ: СЕМИОТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРАЛЬНОСТЬ

Авторы статьи рассматривают проблему междометий как выразителей эмоций и определяют их специфику.

Ключевые слова: *междометия, эмоции, эмотивный знак, лексико-семантическое поле эмотивов.*

Соотношение междометия и эмоции – проблема, достаточно сложная для решения в рамках только одного когнитивного модуса, хотя теснейшая функционально-генетическая связь междометия и эмоции прослеживается уже в междометной

теории происхождения языка. Согласно данной теории, в происхождении языка огромное значение имели произвольные выкрики, которые сопровождали эмоциональное состояние человека. Можно предположить, что если бы у челове-

ка отсутствовала эмоциональная система, то и в языке не существовало бы такой части речи, как междометие. Таким образом, междометия явились первичной, первоначальной эмоционально-семиотической матрицей, на основе которой стали появляться слова, и происходило это в процессе чувственного восприятия мира человеком.

Как известно, универсальной научной дефиниции термина *эмоция* еще нет, так как структура данного феномена, его типология, система до конца не выяснена в рамках современной научной парадигмы – когнитивно-гносеологического подхода. В философском смысле под эмоциями понимаются кратковременные переживания – радость, грусть, печаль, ужас и т. д., в то время как понятие *чувство* связано с устойчивостью, длительностью переживания (любви, ненависти, горя, страдания, страха, озлобления, сострадания, восторга и т. д.). В регуляции жизнедеятельности людей эмоции, чувства занимают существенное место, выступая показателем психофизиологического комфорта, что отражается и на вербальном уровне [1].

Части речи представляют собой один из главных феноменов лингвистики, но ученые отмечают, что «вопросы о частях речи как особых категориях или классах слов, о границах этих классов и самих принципах их выделения <...> все же не принадлежат к числу решенных» [2]. Начало XXI века ознаменовано в лингвистике применением нового подхода к анализу частей речи, при котором они интерпретируются как когнитивно-дискурсивные категории, репрезентирующие связанность частей речи с психическими, ментальными и познавательными процессами.

При рассмотрении проблемы эмотивности и эмоциональности языка мы присоединяемся к позиции тех ученых-концептуалистов, которые считают, что за разными частями речи стоят разные когнитивные (концептуальные) структуры, что распределение слов если и не вполне диктуется существующим положением дел в мире, то во всяком случае с ним вполне согласовано.

Проблема частей речи выступает доминантной при изучении роли языка в познании мира и в различного рода ментальных процессах. Сегодня признано, что менее изученными оказались сферы выражения эмоций (Е. С. Кубрякова) и функции различных частей речи в презентации эмотивности и эмоциональности языка как мощнейшего оператора когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Это напрямую касается междометий, чей потенциал как эмотивных знаков еще полностью не раскрыт в теории языка.

В русском языке междометия традиционно рассматриваются как речевые знаки, служащие для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность – непосредственной эмоциональной передачи переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. В отличие от знаменательных частей речи, междометия не репрезентируют какой-либо объект окружающего нас мира, а передают субъективное отношение человека к определенному предмету или явлению. По данным «Обратного словаря русского языка»

(М., 1974), междометия составляют достаточно крупный пласт – 341 слово; это больше, чем предлогов (141), частиц (149) и союзов (110).

Свойство междометий выражать «очень разнообразный и порой довольно пестрый круг чувств (часто диаметрально противоположных, например, радость и горе, возмущение и восхищение и т. п.) определяется тем, что в реализации их лексических значений исключительно важную роль играют языковой контекст, ситуация речи, богатое интонационное оформление и жестовое, двигательное, а также мимическое сопровождение» [3]. Все эти аспекты актуализации эмотивного регистра речи и языка весьма существенны.

В. И. Шаховский, анализируя эмоции с точки зрения их категоризации в лексико-семантической системе языка, относит междометия и междометные слова, являющиеся средством безадресатной реакции на внешний раздражитель, к аффективам. Аффектив определяется как эмотив, значение которого для данного слова является единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее называния. Лексико-семантическое поле эмотивов (ЛСПЭ) – это корпус лексических средств языка, в семантике которых есть эмотивная доля (в статусе значения или коннотации) [4].

ЛСПЭ представлено лексическими и фразеологическими единицами, семантика которых предназначена для собственного языкового выражения эмоций; за его пределами остается лексика, номинирующая эмоции и служащая для описания различных эмоциональных состояний. Входящие в ЛСПЭ языковые единицы противопоставлены остальной лексике языка с точки зрения семантики (наличие эмотивной семы) и прагматики (выражение эмоций). Ядро ЛСПЭ образует лексика, единственная функция которой состоит в выражении эмоций [5]; таким образом, междометия не только могут рассматриваться как фрагмент ЛСПЭ, но и являются его центральной, ядерной частью.

Междометия и их производные, включая междометные фразеологические единицы, составляют один из фрагментов лексико-семантического макрополя «Эмоции». Так как междометия ситуативно обусловлены и обозначают эмоции диффузно, они располагаются на периферии данного лексико-семантического поля. Наиболее удаленная область периферии – первичные междометия *Ah! Oh!* Их отличие от других единиц языка, входящих в данное семантическое поле, заключается в том, что у них стерты исходные, номинативные свойства. Зачастую трудно без привлечения контекста, коммуникативной ситуации соотнести данную единицу с репрезентируемым ею эмоциональным состоянием.

Семантическая граница между ядром и периферией поля чрезвычайно подвижна. Если за точку отсчета принять «первичную» семантическую роль междометий, то этикетные клише, выражающие чувства и отношение к адресату и к обстоятельствам общения [6], образуют периферию данного лексико-семантического поля.

Многие междометия (*Ah!, Oh!, God*) являются

полиэмоциональными – могут выражать разные, часто противоположные, чувства: горе (Ah! What a sad blow to his father and to them all); восхищение (Annete is a good daughter. Ah! What a jewel of nature); догадку («One of his boots is split across the toe». Soames stared at her. «Ah! he said,» of course! On his beam ends) [7].

Фрагмент лексико-семантического поля «Эмоции», репрезентированный междометиями и их производными, не является статичным образованием. Этот подвижный, открытый пласт постоянно пополняют новые элементы, богатым источником которых служит сфера устного непринужденного общения (партнеры по коммуникации, представители одной социальной группы, имеют возможность наиболее свободно и полно выразить переживаемые чувства и эмоции).

Междометия сближаются со словами знаменательных частей речи, в которых предметно-логическому значению сопутствует сильная эмоция. Например, восклицание «Fire!» («Пожар!») помимо предмета высказывания передает и выраженное интонацией состояние говорящего, его отношение к высказыванию (испуг, горе и пр.). Однако знаменательные слова подобного типа характеризуются тем, что в них эмоция не вытесняет предметно-логического значения (и поэтому они остаются в своих лексико-грамматических группах, тогда как одна из отличительных черт междометий – отсутствие в них предметно-логического значения). «Это отличие отчетливо проявляется при сопоставлении междометий со знаменательными словами. Так, междометие *hurrah!* является обобщенным выражением радости, междометие *pooh!* – пренебрежения, междометие *alas!* – сожаления, междометие *hush!* – призывом к молчанию. Соответственно, существительные *joy* – радость, *nonsense* – вздор, *sorrow* – печаль и *silence* – молчание содержат предметно-логическое значение и, таким образом, обозначают, называют эти чувства и побуждения, иными словами, выполняют номинативную функцию» [8].

По А. В. Анищенко, междометия передают эмоциональное состояние субъекта в самом общем виде и поэтому неоднозначны. «Узнавание» выражаемой эмоции реципиентом не может успешно осуществляться без учета интонации, мимики, жестикуляции, а также контекста. Они представлены единицами разных семиотических систем, лексическое значение, присущее номинативным знакам языка, у них отсутствует (либо диффузно, свернуто до минимума). При дефиците времени, при наличии известного расстояния, разделяющего партнеров, а также в условиях массовой коммуникации удобнее и экономичнее указать на элементы ситуации общения, изобразить их или представить символически, чем дать их вербальное описание [9].

«Междометия часто оказываются среди наиболее характерных особенностей отдельных культур» [10], «составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка» [11], им принадлежит «особая роль в сокрытии секретов национального менталитета» [12].

Доказывая, что междометие может являться объективным знаком национальной принадлежности, А. Вежицкая рассматривает семантику междометий отвращения (*disgust*), имеющих примерно одинаковый звуковой облик в разных языках (польское *fu, fe*; английское *phew, pooh*; русское *фу*; датское *Ju*; междометие языка идиш *feh*; польское *tfu*; русское *тьфу*) и указывает, что «эта конкретная фонетическая структура может пониматься как иконический знак “естественного” жеста, производимого ртом или носом» [13]. О. Коваль обращает внимание на различия в сфере употребления: «Расхождения именно в этнической семантике междометий разных языков говорит в пользу восприятия их как сигналов, возможно слабых, манифестирующих определенный национальный признак, национальную специфику» [14].

Национально-культурная маркированность междометий обусловлена фоновыми знаниями носителей языка и как правило ассоциируется с языковыми единицами, являющимися хранилищем передаваемого от поколения к поколению коллективного опыта народа-носителя. Фоновые знания – культурно-языковое явление, «лежащее на пересечении этнопсихологии, культурологии, истории народа и языкознания, в частности, прагмалингвистики», оно «смыкается с понятием пресуппозиции. Как и пресуппозиция, фоновые знания определяют активность экономии языковых усилий» [15].

С учетом того, что междометия представляют собой реализацию в языке внутреннего эмоционального мира человека, изучение их национальной специфики целесообразно сопоставить с характеристикой языковой реализации национальных эмоциональных концептов. Их семантика в значительной мере базируется на культуроспецифичных конвенциях (А. Вежицкая). В рамках исследования национально-культурной специфики междометных единиц наибольший интерес представляют фразеологические образования, функционирующие в речи в качестве междометий, а также клише речевого этикета. Их анализ с позиции национальной маркированности важен для изучения национальных эмоциональных концептов, языка в целом как особого эмоциогенного и эмоционального феномена.

Литература

1. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации. Краснодар, 2006.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 30.
3. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических понятий и терминов: в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Тихонова и Р. И. Хашимова. Т. 1. М., 2008. С. 782.
4. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 25.

5. Там же. С. 123.
6. Языкознание: большой энциклопедич. слов. М., 1998. С. 413.
7. Galsworthy J. The man of property. М., 1994. P. 13; *The same author*. In chancery. М., 1979. P. 98, 145.
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1995. С. 125.
9. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1960.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611.
11. Крысин Л. П. Лексическое заимствование в

русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 30.

12. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. Киев, 1998. 279.

13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков ... С. 632.

14. Коваль О. Междометная реприза или еврейские сценарии речевого поведения. Семантика междометия языка идиш «Feh». URL: <http://www.conf40.htm>

15. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка ... С. 218.

L. U. BUYANOVA, A. V. ORDULI. INTERJECTION AS A REPRESENTATION OF EMOTIONS: SEMIOTIC AND PRAGMATIC PARAMETRALITY

The authors of the article consider the problem of interjections as the representation of emotions and define their specificity.

Key words: interjections, emotions, emotive sign, lexical and semantic field of emotivs.

Л. Н. ТРЕТЬЯКОВА

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ: ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Строя в русле гумбольдтианских идей свой обзор теоретических подходов к рассмотрению языковой картины мира, автор статьи доказывает глубоко этноспецифичный характер процессов, присущих военной концептосфере русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, военная концептосфера, военная метафора, концепт.

В последнее время внимание лингвистов привлекает военная концептосфера как фрагмент языковой картины мира (Л. Н. Венедиктова, В. Б. Крячко и др.), однако характер взаимоотношенности этих феноменов недостаточно изучен. Поэтому, мы полагаем, необходимо вспомнить учение Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка и обратиться к идеям американцев Сепира и Уорфа о лингвистической относительности. Суть их концепции такова: любой национальный язык несет в себе специфический способ восприятия и понимания мира, все носители данного языка обладают этим особым мировидением окружающей языковой действительности.

Для изучающих военную концептосферу особенно важна «внешняя лингвистика». Она рассматривает соотношения между языком и историческими условиями его существования, учитывает совокупность этнических, социальных, исторических, географических факторов. Например: культура русского народа, его история, обычаи, православная церковная традиция, географическое распространение и межъязыковые контакты – все это оказывает влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе.

Сам термин *языковая картина мира* (Weltbild der Sprache) введен в научный обиход Л. Вайсбергером в 30-е годы XX века, но истоки этого поня-

тия встречаются в различных работах Вильгельма фон Гумбольдта. Рассматривая соотношение языка и мышления, ученый пришел к выводу о том, что мышление зависит от особенностей каждого конкретного национального (этнического) языка. Установившая характер такой зависимости, Гумбольдт постулировал: язык не просто средство изображения окружающей действительности, а орудие открытия еще не познанного.

Как «орган, формирующий мысль», язык не просто средство общения, а выражение духа и мировидения. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключают мир и свое воображение. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [1]. Приведем еще одну важную для нас цитату из философско-лингвистического наследия выдающегося немецкого ученого: «Путем того же акта, в силу которого человек выплетает язык из себя, он вплетает себя в этот язык, и всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы коего он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Изучение чужого языка явля-